

Александр ЗАГРИБЕЛЬНЫЙ
БУРОВЫЕ ХРОНИКИ
(На Шелковом пути меж трех миров)

Окончание. Начало в № 4, 2024.

Лет десять назад занесло меня на Гавайи. Аллоха! Вайкики. Перл Харбор. Затонувший крейсер «Аризона». Над его башнями катера доставляют туристов на мемориал американского флота, разбомбленного в сорок третьем японцами.

Вулкан «Алмазная голова» потух сто тысяч лет назад, но до сих пор видны потоки лавы, языками стекавшие в океан, туда же смотрят амбразурами доты для орудий, обустроенные на вершине гребня, а на дне остатки американской военной базы. Там же стоит будка с телефоном-автоматом. Позволил жене домой в Тараз, говорю, что из кратера вулкана – не верит. Говорю, что случайно узнал, что здесь существует школа, где изучают русский язык. Интересно, схожу, проверю.

Порядком поплавая по острову, я нашел-таки школу. Преподают две молодые, стажировавшиеся в Москве американки.

– Русские классы скоро закроют, – не особо печалюсь, объясняют они. – Холодная война закончилась. Интересы к языку нет. А еще наш директор школы – японец заявляет: «Надо переходить на китайский. Он будет главным!»

Открываю Тойнби – еще в середине XX века он писал:

«Китайцы ищут средний (третий) путь, который бы соединил добродетели традиционного доиндустриального образа жизни, отвергнув его пороки, с позитивным опытом современного индустриального образа жизни в западных и вестернезированных странах. Если коммунистический Китай сумеет одержать победу в этой социальной и экономической борьбе, он сможет преподнести миру дар, в котором нуждается и Китай, и всё человечество. Этот дар будет счастливым соединением современного западного динамизма с традиционной китайской стабильностью. Сумеют ли китайцы произвести необходимый синтез, чтобы дать возможность человечеству выжить?»

– А как же все-таки, – спрашиваю Теня, – печатать на компьютере? Может, удобнее перевести письменность на буквенно-фонетическую систему, хоть на латиницу, как японцы?

Он подумал.

– Нет, слишком много значений у иероглифа – сразу целое слово и даже неделимое понятие.

– А печатать как?

– Очень просто, – набираешь латинскими буквами слово, как оно звучит, вставляешь один из четырех меняющих значение знаков тона, затем Enter, и компьютер выдает иероглиф.

Действительно, просто, подумал я. Кошмар! Несколько строк жене домой по «майлу» написать – четверть часа уйдет. Это ж надо было такую китайскую грамоту придумать.

С чего начинается родина?

Нас с Юем послали на «Мунай». Будем руководить контрактниками.

Весной в поле мне нравится работать гораздо больше. Ночью припорошило снежком, но к обеду растаяло, подснежники подняли головки. Как удер-

жаться и не сорвать, не поставить на столе возле компьютера, чтобы глаз радовался. Потом зацвели тюльпаны, потом синие колокольчики, и засеребрился ковыль. Мне кажется, я близок природе, и мне по душе первобытное тенгрианство кочевников.

Однажды Юй Тень спросил меня:

– Зачем ты рвешь цветы?

– Разве нельзя?

– Они не принадлежат тебе.

– А кому? – не понял я.

– Полю, природе, они растут и тебя не трогают.

– Вон девчонки в столовой целыми охапками тащат, это, конечно, варварство, а у меня всего несколько для красоты, – оправдывался я.

– Ты эгоистичен и самовлюблен, – вынес суровый приговор Юй.

Я его понимаю. Если каждый китаец выйдет и сорвет по цветку – мир вокруг превратится в пустыню. Конфуцианство скорее не религия, а этика, которая при выборе решения предлагает умеренность и, в противовес экстремизму, держится середины. В смеси с даосизмом это переплавилось в самоограничение и терпеливость, сдержанную философичность, которых и в помине нет у кочевого люда. Те, наоборот, стараются всё сделать попышнее, пожирнее, чтобы утереть нос соседу.

Утром у нас кофе, вечером чайная церемония.

– Зеленый чай здесь не такой как в Китае, ненастоящий, – говорит Юй и достает из красивой цилиндрической шкатулки мелкие мягкие шарики.

Каждый чайный шарик распускается листиком в горячей воде, издавая жасминовый аромат.

– Его пьют без сахара, – сообщает Юй.

– Может, пива? – предлагает Бранко, новый инженер по растворам из Сербии. – Пошлем водителя к чабанам.

– Эти чабаны только паленой водкой торгуют, – возражаю я.

– Нет, нет! – в ужасе восклицает Юй. – Пить запрещено, если узнают, меня сразу уволят.

Мы засмеялись.

– Никто ж не предлагает напиваться. Но чуть-чуть на праздник, расслабиться. Даже Боб позволял.

– Нет, нельзя! – замотал Юй головой.

Накануне запуска с Байконура корабля с американской туристкой похолодало. Если б похолодало в понедельник, все бы сказали, что ракета повлияла на погоду. Китаец мерзнет как цуцик. В Пекине гораздо теплее. Но до дома далеко. Живой человек, без жены, без семьи, страдает, звонит по вечерам домой. Тяжело сидеть три месяца.

Но пока держится, про женщин даже разговора не заводит. Тем более об алкоголе. Наверное, он тут под бдительным оком политработников, хотя, кто знает, какая у них была дана партийная установка.

Юй берет теннисную ракетку и стучит шариком об стенку.

А наша новенькая молоденькая горничная глаз на него положила.

– Интересный, – говорит, – мужчина Юй. Но очень скромный.

– Сколько у тебя детей? – спрашиваю я у него.

– Один. Сын.

– Как получается, что разрешают только одного ребенка, а население Китая растет? – удивился я.

– Контроль только в городе, один ребенок, если ты работаешь в государственной компании, за двоих могут уволить.

– У вас все хотят мальчиков?

– Мальчик – это дракон, девочка – феникс. У вас дракон – страшное, плохое существо. А у нас дракон это – сила, мощь и ум. Он добрый, сделан из разных животных. Голова лошади, рога оленя, тело змеи.

Буровой быт упрощенный. Наш туалет в офисе, у рабочих на улице. Один для мужиков и для женщин. Кто-то, может, не представляет, какая жуть эта синяя железная кабинка в степи в тридцатиградусный мороз или в жару под сорок, туда не входить, к ней мерзко приближаться даже привычному организму. А кустов вокруг нет, вот и норовит народ присесть, где нужда застигнет врасплох: у корзины с трубами, за контейнером, под насыпью, на свежем воздухе, как за юртой. Пока Россия ломает и чинит туалет на орбите, здесь, на Земле, неподалеку от Байконура его еще учатся строить. Слишком много места и слишком мало людей.

Юй, насупившись, долго вытирает ботинки.

– Скажи, чтобы не делали где попало, я уже два раза наступил.

В вахтовом поселке главный инженер-канадец, устав от местной простоты, распечатал на принтере и повесил в мужском туалете обращение на двух языках:

«Проверив штатное расписание, я выяснил, как и ожидал, что в нем не числится ваша мама, которая будет убирать за вами. Поэтому просим поднимать сиденье на унитазах, прежде чем мочиться. Буду рад помочь в случае необходимости проведения инструктажа, как поднимать сиденье унитаза».

Возле ноутбука Юя лежит томик Конфуция, я полистал и в разделе афоризмов обнаружил подчеркнутые строчки. Нашел в Интернете пронумерованный абзац и с изумлением прочитал перевод: «У китайцев даже без царя больше порядка, чем у варваров с царем».

Про кого это он, интересно, подчеркнул?

Но в душ Юй каждый день, как американец, не стремится. Он может не мыться неделю. Правда, и сильно не пахнет. У них ген какой-то выработался от запаха пота.

Китаец терпелив и непривередлив. На кухне он просит кость покрупнее и обгрызает жирный мосол, выковыривая мозг, до которого Боб даже дотронуться бы побоялся. За милую душу китаец уплетает и сало, и конину, и казы, и бешпармак. И это надо видеть, как у себя дома американцы из добротного бекона жир вытапливают и едят сухие шкварки, произнося страшное слово – холестерин. Но в итоге всеядный китаец – тонкий, а осторожный американец – толстый.

Американцы широки и расточительны – выедет компания на барбекю, так столько жратвы ухайдокуют, что полдеревни китайской можно накормить, а в Африке так и маленький городок. Пешком пройти – нет, на машине, даже до столовой, до которой рукой подать. Если все начнут жить, как они, ресурсы Земли исчерпаются лет за пятьдесят. Это тупик! Но зато в Штатах каждый себя уважает и без сомнений готов рулить всем остальным миром.

А Юй и потребовать ничего бытового не может, он не то что не привык требовать, у него идей в голове нет. Ему достаточно того, что дают. От него разит нашим родным кондовым совком. Он даже не особенно ропщет, что семью его выселяют из дома, из хорошей квартиры на отшиб, с меньшей площадью, потому что здесь будут сносить и строить дорогу к Олимпиаде. Ком-

пенсация минимальная, так государству надо. И землю в Китае тоже нельзя иметь в собственности и передавать по наследству.

Показываю Юю домашние фотографии, он удивляется:

– О! Ты – богатый!

– Да какой же я богатый, ну, дача у меня, ну, машина, так я ж работаю.

В общем, Казахстан для них манна небесная, хоть и холодно, они сюда прут, и разрастается их Чайна-таун дешевыми спецами.

Однажды Юй устал от своих болтливых «телефонистов» и разолился.

– Работать! – воскликнул он с такой хлесткой интонацией, словно выкрикнул не он сам, а его инстинкт. Выдал как главный муравей своим собратьям, жесткий приказ и кровную обязанность, понимаемую даже без принуждения. И они побежали. Так молекула катализатора подстегивает скорость химической реакции, и фермент стимулирует процессы обмена. Но та молекула для муравьев, а для местных стрекозлов нужна совсем другая.

Они нас своим конфуцианством приведут в один бессловесный муравейник. Однако, если Китай, заваливший мир своей продукцией, старается наладить выпуск качественных товаров и для внутреннего потребления, то Казахстан, шагнув из развитого социализма в феодальный капитализм, по-прежнему меняет черное золото на бусы. Купить проще, чем произвести, как и в России. Цены растут бешено. В северных областях, куда нас студентами при Союзе посылали в колхоз помогать убирать картошку, ее не хватает. Газеты трубят о продовольственном кризисе, о массовых приписках объемов убранного хлеба. Чиновники на местах, как и прежде, стараются выслужиться перед столицей. Всё опять возвращается на старые заколдованные круги.

Необученные работяги в зной и стужу за мизерные гроши тягают железо, глотают газ и пыль. А спецов и квалифицированных рабочих тысячами привлекают из-за рубежа. И платят им, разумеется, гораздо больше. Какие тут мысли могут родиться о достоинстве и правах у полунищего коренного человека, отравленного вдобавок идеями национализма.

Порой такая тоска одолевает в песках – ни книги, ни Интернет не спасают, ни водка, ни тетка. Сидишь и думаешь – куда податься?

Национальная гордость

«Ужасные физические условия, которые им удалось покорить, сделали их в результате не хозяевами, а рабами степи. Наладив контакт со степью, они утратили связь с миром. В степи человек обречен на постоянное движение. По годовым циклам перемещаться с место на место. Несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилизации, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории» (А. Тойнби. «Постижение истории»).

Тут я надолго закрыл черный том, понимая, что автор хватил лишку. И Гумилев его опроверг своим евразийством, доказав, что всё, что нужно, у народов есть. Он, безусловно, более популярен здесь, хоть и менее авторитетен.

Но наши евразийцы – большей частью азийцы, поэтому сразу принялись переписывать прошлое по образу и духу своему.

Сын пришел из школы расстроенный: в пятом классе отменили историю древнего мира. Как он ее ждал! Сколько прочитал про Египет, Грецию и Рим. Раздали другие учебники, теперь весь год будут запоминать – куда какой род кочевал, кто, где юрту ставил, с кем воевал и сколько развел коней и баранов. Александра Македонского придется называть – Искандер Зулкарнай.

И тут же, пожалуйста, новейшие изыскания:

«Во времена Аттилы завершилось завоевание гуннами Европы. В 451 г. в местности Каталаун (Франция) произошло грандиозное сражение того времени. После победы в этом сражении Аттила разгромил центральные районы Римской империи, взял в жены дочь императора и сокровища Рима. После этого поражения империя пала. После гуннских войн на ее месте образовались другие европейские государства»¹.

Далее с гордостью делают выводы о значительном влиянии гуннов на судьбу Европы. Их предводитель – Аттила, известен в казахских легендах под именем Едиль. Логика проста как две струны домбры. Гунны кочевники – предки тюрков, а следовательно, и современных казахов. То есть предки казахов значительно повлияли на развитие всей Европы. Что и требовалось доказать.

Увы, хоть у Тойнби, хоть в любой энциклопедии – всё наоборот. В 451 году Аттила, действительно, двинулся в поход на Рим в ответ на отказ императора выдать за него свою сестру. Но в битве на Каталаунских полях войско Аттилы было наголову разгромлено. А через два года Аттила умер. После его смерти гунны потеряли свое могущество и вскоре рассеялись бесследно.

Тойнби говорит о сходной судьбе всякого государства, успех которого зависит от личности властелина, а не от системы организации.

Аттила, кстати, был самым жестоким из всех варваров. Чем уж тут особо гордиться. Нынче пытаются доказать, что Чингисхан тоже родственен казахам. Почему не поискать в веках себе предка не разрушителя, а созидателя?

История постоянно оживает в современности. И тут я сам поймал себя за хвост.

Читаю про султана Бейбарса – главу мамлюков, его родословная по преданию также возводится к казахам. Он убил египетского правителя и сел на его место.

«Вот, – думаю, – коварная бестия».

В сноске Тойнби беспристрастно пишет: «Есть предположение, что Бейбарс был русским». И вдруг в моей голове всё само собой перевернулось и воссияла мысль: «Однако, не хило – смелый парень был!»

И тут же осознаю, что пару секунд назад думал: «такой сякой вероломный кипчак», а вот если русский, то сразу – молодец!

Национальный инстинкт – чуткий флюгер. Ветер амбиций вертит им как легкой игрушкой. Реакции бессознательны и мгновенны. В точности как мать кидается защитить своего ребенка от опасности. Недаром Нуртаза говорил, что напряженность между людьми больше возникает не по религиозной, а по национальной линии.

В Прикаспии на промыслах Тенгиза прошел большой шум – оборзели турки-подрядчики, открыто заявляя:

– Мы вас днем на работе имеем, а ваших баб ночью.

Одним дали арматурой по башке, других из окна выкинули. По телевизору показывали забинтованных возвращенцев в аэропорту Стамбула.

Самыми умными оказались китайцы: их все боялись, вот придут, заставят работать за миску риса, а они тихо-тихо, ниже травы, тише воды, никого

¹ Рассказы по истории Казахстана. Учебник для 5 класса общеобразовательных школ. Алматы, 2006. С. 75.

не критикуя, не обижая, зарплату не снижая, наоборот, по-советски к празднику премию подкидывая, качают побыстрее нефть к себе в Поднебесную. Им надо обеспечить топливом бурно растущую экономику.

И вот что замечательно – у нас в компании официально объявлена реализация проекта по утилизации газа. Видно, откуда-то сверху шевелят, поджимают законом, и не только нас, а все другие промыслы. Хоть в газетах и не быстро афишируют.

Газ намечено закачивать в скважины для поддержания пластового давления нефти и для будущего использования. Факела потухнут. А это уже победа!

Китайская музыка

Теперь каждое утро слушаем радио. Маленький черненький транзистор Юй Теня ловит Пекин. Играет музыка, которая поначалу мне и музыкой-то не кажется, слух плутает в извивах пентатоники. И вдруг в этих чужих мелодиях я услышал что-то до боли близкое и знакомое с детства. Что-то простое, как пастораль. Похожее на давние советские интонации гимна и массовых песен, обращенных ко всему народу, к площади, к полю, к стране. Музыка, как один большой организм, взывающий к семье великой – пастушья свирель, собирающая стадо. О, мне эта общая идея по советской школе знакома до тошноты!

В городе, откуда я после вахты на поезде уезжаю домой, в корпоративной столовой в закутке стоит пианино. В столовой обедают вице-президент, директора отделов, супервайзеры, геологи. Европейцы, американцы, местные и заезжие спецы.

Среди китайцев есть такие, у которых рубашка плотно застегнута у горла воротничком без галстука, как бы раньше сказали – по-колхозному, короткая незатейливая стрижка и некоторая окаменелость черт лица сельского жителя, много времени проведенного под солнцем и ветром на полевых работах. Но в основном другая публика – рафинированные гладкие светлые ханьцы, учившиеся в Москве или в Лондоне. Не чета нашему буровому Чайна-тауну.

Они отдаленно похожи на казахов, но только на первый взгляд.

Что же в них другое? Они не только лопочут по-своему и лихо мельтешат палочками между тарелкой и ртом. В их лицах чувствуется иерархия, внутренний ритуал, строгость и аскетизм. Эти ребята здесь не просто так, они куда более организованны и трудоспособны, чем недавние кочевые степняки. Они не маются в поисках национальной идеи, исторических корней – их этика и философия, прописанные Конфуцием и даосскими монахами две с половиной тысячи лет назад, безотказно работают до сих пор и на века вперед.

В них нет ни христианской мягкотелости, ни тенгрианской расслабухи, ни исламского упертого фанатизма, но есть трезвая аскеза, готовность к лишениям, к самоограничению и неумолимая всеядность.

Интересно, какие нас ждут компромиссы на этом пути?

Готовят в столовой вкусно, не хуже, чем в хорошем китайском ресторане в Алматы. Повар-китаец ходит, насвистывает что-то свое. Когда народ разошелся, я решил подшутить. Пентатоника, в принципе, простая штука: перебирать пальцами как бог на душу положит черные клавиши, и на какой ни останешься, окажется, что музыкальная фраза завершена.

Присел я к пианино и заиграл. Повар остолбенел. Выпучил глаза и ничего не понимает. Откуда взялась такая окитаенная ахиня. Выскочил из-за своего прилавка, подбежал, заглядывает. «Нинхау», – говорит.

Если «нихау» – просто «привет», то «нинхау» – значит «здравствуйте» с большим уважением.

В последние годы смена строев, государств, хозяев, премьеров почти как мелькание рекламы на телеэкране. Уже ничего не воспринимаешь всерьез, и смеяться над этим уже не хочется, и даже утешаться библейской мудростью: «Народы сменяются – приходят и уходят, и только Земля пребудет вовеки». Потому как достоверно знаешь, что и это не так. Ощущаешь, что идут подвижки тектонических плит, а повлиять ничем не можешь.

Но вдруг Тойнби не прав в своих надеждах на китайцев? Может, прав Достоевский в своих «Записках из подполья»: *«С муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейником, наверно, и кончат, что приносит большую честь их постоянству и положительности».*

Если честно сказать, я бы давно хотел уехать и жить где-нибудь возле Москвы или хотя бы в Калининграде, куда переселились многие мои коллеги. Хоть к какой-нибудь близкой культуре поближе. Хоть раз в месяц сходить на симфонический концерт или в театр. Родственников, знакомых у нас здесь почти не осталось – разъехались. И в основном общаешься с иностранцами на своей не своей земле. Ведь парадокс: здесь родился, живешь, а в футбол-хоккей болеешь по телевизору – за Россию. Хоть особо и не нужны мы ей.

Но где еще я найду такую комфортабельную кочегарку, в которой можно сидеть как в санатории и писать без спешки, о чем душа пожелает, да еще платят лучше, чем в любом журнале. А между вахтами ты вообще вольная птица.

Под Рождество отправились с женой к друзьям в Германию, шлендали по распродажам Карлс-Руе и Страсбурга, слетали в Рим, обошли развалины Колизея, бродили по Ватикану, потрясенные величием Сикстинской капеллы. Потом в Париже, пока жена терпеливо смотрела на сцену, я с удовольствием вытянулся и проспал в темной ложе на бархатной кушетке под шагаловским куполом Гранд-Опера второе отделение «Жизели». Балет не хотелось даже сравнивать с тем, что видел в Москве в Большом театре.

В Париже как раз проходил Всемирный форум по сжиганию газа на факелах. Проблема глобальная, и похоже, что у нас в Казахстане зашевелились раньше, чем в России. И возможно, в чем-то благодаря мне.

Неподалеку от Баден-Бадена купил машину и отправил домой на автобусе. В дороге читал Курта Воннегута – «Бойня № 5» о бомбежке Дрездена авиацией союзников в конце Второй мировой. Юг Германии тоже весь лежал в руинах, кроме Гейдельберга – чудесного старинного университетского городка – американский генерал когда-то учился здесь и приказал не трогать – налицо польза от образования.

Я задумался один на один со своим компьютером.

Американец живет на поверхности, он толстый, но плоский, а китаец при своей мелкоте – объемный, глубже укоренен в землю и в историю. Отчего ж мы так убого и примитивно живем и не можем организовать?

– Ты собираешься это где-нибудь печатать? – заглядывая мне через плечо, спрашивает растворщик Бранко.

– У меня много опубликованного, надеюсь, и на это найдется читатель, – ответил я.

– Что ты тут, в пичку матери, делаешь? – ласково обругал меня Бранко.

– А где я должен находиться? – спросил я, по ходу соображая, что на старославянском «пичка» – это та самая «печка», в которой выпекается

человечество. Сюда же примыкает и «пещера», совокупно объединяясь до смыслообразного гнезда, уводящего к тем темным временам матриархата, когда русское «е... твою мать» звучало как приветствие и обозначало – «я твой родственник».

– Не понимаю, что тебя здесь держит? – повторил Бранко.

– А где мне быть?

– В цивилизованном мире.

– В Сербии с вашим Косово разве лучше?

Он глубоко вздохнул:

– Да, у нас вернешься домой после вахты и можешь попасть совсем в другую страну. Может, ты получаешь энергию от этой земли? – несколько загадочно, по-рейкистски, предположил он.

– Так, скорее всего, и есть, – ответил я, – получаю.

Фундамент

Далеко-далеко, растворившись в синеве, возвышались Тянь-Шанские горы и самый высокий в нашем крае – четыре с половиной километра – пик Манас. Ночью – рукой подать до звезд. Я поднимался туда, чтобы взглянуть на уходящие за горизонт линии хребтов и нагромождение вершин, как гигантским ковшом бульдозера вздыбленных миллионы лет назад Индией, врезавшейся в Азиатский континент.

А с противоположной стороны вдоль подножья стены гор простирались нескончаемые степи, по которым вел войска Александр Македонский, проносились орды кочевников, пролегал Великий шелковый путь, по которому веками брели караваны из Китая в Европу.

Высота – серьезное испытание, но можно уйти и в глубину. Здесь, в широте равнин, бывших когда-то дном не менее древнего, чем горы, моря, мы пробурили разведочную скважину на те же четыре с половиной тысячи метров и, пройдя осадочные породы – глину, песок, известняк, уперлись в фундамент – материковую плиту, от которой отражались все звуки эхолокации.

Долото подпрыгивало, выстукивая грудную клетку Земли. Стальная буровая колонна на поверхности была в колокола металла, усиливая звуки, восходящие из недр, где граниты и базальты образовали бронированный панцирь планеты. Я любил слушать эту лязгающую музыку.

Basement – фундамент – тонкий, хрупкий и звонкий, как фарфор, по которому невидимо прокатываются приливные волны Луны. Средняя толщина – тридцать-сорок километров. Такой шар диаметром три метра будет иметь оболочку всего один сантиметр. Уменьшив еще, получим надутый мяч. У меня часто возникало ощущение, что лучшие игроки на чемпионатах мира по футболу играют глобусом.

Интересно, что иногда нефть находили в трещинах гранита. Существует даже теория не осадочного, а геологического ее происхождения. При бурении температура растет на градус каждые десять метров. Под фундаментом уже расплавленная магма.

Я разомлел от игры воображения, почувствовав в теле легкость, как после хорошего отпуска. Моя незаправленная легкая, пятнистая с пальмами рубаша пузырилась, поддуваемая ветерком.

– Алекс, ты отлично выглядишь, как будто только что с Гавайев! – воскликнул, увидев меня, китаец.

– Я на буровой, а это почти одно и то же.

Десять лет назад вернулся, а как будто только что. Гавайи – вот уж где действительно ощущаешь дыхание ядра. Обжигающий сквозь подошвы горячий черный наст, пористая пемза под ногами и желание дойти до трещины, из которой медленно, почти спокойно истекает лава, образуя остров и медленно раздвигая Америку и Азию. Иногда неожиданные выбросы раскаленной магмы разлетаются и шлепаются горящими ошметьями на десятки метров вокруг. Океанская волна перекачивает через остывающие наплывы, шипя и поднимая облака пара. Если не сдрейфить, дойти до края и приглядеться, увидишь дрейф континентов.

Отсюда, с вышки, лучше всё видно и слышно, но иногда мне кажется, что я здесь спрятался от жизни. Создал себе башню-нору из «слоновой кости». И здесь чужие слова, как магические заклинания, извлекают из мира деньги для меня и моей семьи. Иногда мне кажется всё это нереальным, почти миражом, который тут на каждом шагу – нефть, английский, коловращение иностранцев вокруг, всё должно вот-вот рассыпаться, исчезнуть. А что реально? Что держит меня здесь?

Моя точка отсчета от этой земли. Отсюда для меня начинается Восток и Запад. Здесь мой форпост наблюдения. Здесь мой корень, проникающий вглубь, и я, заземленный им человек, как приемник и передатчик – между Землей и небом. Звено всеобщей связи.

Отсюда я собственными глазами могу оценивать ситуацию вокруг. Корень Дао тоже подразумевает глубину и привязанность к истокам рождения, откуда берут начало и прочие смыслы земного пути.

Моих предков занесло сюда сотню лет назад, и лишь теперь постепенно для меня стало проясняться, что когда человек родился и долго живет в одном месте, он прирастает к земле и начинает нести за нее ответственность, независимо от своего желания и от характера власти, которая управляет вокруг. Отсюда и ниоткуда больше я чувствую связь между низом и верхом. И это чувство Земли во Вселенной наделяет меня подлинным смыслом жизни.

«В Джамбуле тепло, там мама», – говорит герой популярной советской комедии. На центральном базаре Тараза стоит памятник «Джентльменам удачи». Интересно, много ли найдется в мире памятников героям кинокартин? Я видел только Микки Мауса, да и то в Диснейленде.

«Мы не казахи и не узбеки, мы азиаты...», – поется в свежем шлягере. Но кто мы – новая генерация или национальность?

Я многое не принимаю в местных привычках, могу критиковать и посмеиваться, но я во многом такой же, как они, и ни я, ни мой сын никогда не станут скинхедами, это нам чуждо по крови и воспитанию. Мы гораздо более терпимые и понимающие.

И пусть нет здесь симфонических концертов и театров, как в Европе. Ладно, я найду их при желании. Но есть здесь для меня нечто гораздо важнее хлеба и зрелищ.

Я играю в какие-то большие игры с этим местом. И только тут я могу в них играть, с этими холмами и степями за последним валом снежных гор. Чем-то здешний уклад глубин и поверхности соответствует укладу моего головного мозга: от тонкой корки плодородного слоя серого вещества до центральных архаичных структур ядра мозга.

Я застрял на Шелковом пути между трех миров – русского, западного и азиатского. Родился и вырос здесь. В Россию по новому призыву ехать поздно, и куда стариков родителей тащить, и где я там найду достойные жилье и работу?

Здесь моя родина, хоть и не отечество. Русский язык не стал государственным. Но и гимн не на нем я петь не хочу. Остается сидеть и писать хроники. Казахский нефтяной воз еще потягают лебедь, рак да щука – Россия, Штаты и Китай. Все трубы в разные стороны. Будет о чём еще рассказать.

Дети взрослеют и сами разберутся, прочитают умные книжки и разъедутся по университетам Европы. Английский, конечно, нужен, но дочке старшей, как ни странно, нравится еще и китайский. Они уже сами ищут свой путь на современных перекрестках. Нынче не по времени оставаться привязанным к одной точке. Человек вырос до размеров Земли.

Но как быть с ощущением стагнации и застоя – когда трудно дышать от вязкой азиатчины в воздухе, когда другие страны объединяются, а у нас строят новые границы, когда любая мелкая сволочь в кабинете или на таможне глядит на тебя, ухмыляясь, и ждет взятки?

Может, принять всё как есть и вслед за Пушкиным махнуть рукой:

Паситесь, мирные народы...

Пусть идет всё своим чередом. До лучших времен, до новых глобальных потрясений? Чего шуметь, дразнить гусей, всё тихо-мирно, тебя никто не трогает, и ты не трогай, жуй себе в стойле, как миллионы прочих.

Но почему-то не хочется быть быдлом. Хочется себя уважать и честно смотреть в глаза детям.

Новенькая горничная передала открытку – Турсунбек и Махаббат приглашают нас на свадьбу. С Бобом мы бы наверняка поехали, а с Юем – нет. Его начальство не отпустит, и вдобавок он опять простыл и прихворнул к концу третьего месяца вахты.

Скромная девушка из аула трет пол, поглядывает на него, жалеет.

Он еще не запомнил ее имени, а уже научился произносить, старательно раскатывая «р» – «кр-р-расивая девушка».

Она стесняется, но его слова ей нравятся.

Спрашиваю:

– Если замуж предложит, пойдешь?

– А если он не пьет, как наши, – выжимая тряпку, рассудительно отвечает она, – о доме заботится, о детях, так и хорошо, пусть он хоть какой китаец. И лицом мы не так уж сильно отличаемся. Я б не отказалась.

У нее закончилась вахта, уехала домой и звонит ему по «сотке» – привет передает, желает, чтоб не болел и спрашивает, когда он будет в городе. Хочет увидеться.

Женщине надо цвести и плодоносить, а кто ей в этом поможет, для природы, видимо, не такая уж большая разница.

В общем, как говаривал первый президент Советского Союза, «процесс пошел».

Но движется он явно в направлении конца моей переводческой карьеры – девушка еще может выучить подушечный китайский, но технический в шестьдесят с лишним мне уже не одолеть.

Может, попробовать вернуться в журналистику?

А вчера получил письмо от Френка – он опять в Казахстане в большой британской компании на Каспии. Есть вакансия, приглашает в штат.

